

ИЗ ПРОТОКОЛА

допроса бывшего начальника 3 отдела Управления НКВД Новосибирской области Ф. Н. Иванова

27 сентября 1955 г.

г. Новосибирск

Помощник военного прокурора Западно-Сибирского военного округа подполковник юстиции Чурляев допросил в качестве свидетеля с соблюдением ст. ст. 162-168 УПК -

Иванова Федора Николаевича, 1905 года рождения [...] В органах НКВД, МГБ, КГБ с 1938 по 1952 год, русский, образование высшее юридическое, из крестьян-середняков [...]

ВОПРОС: Расскажите о фактах нарушения социалистической законности, которые допускались сотрудниками 3 отдела УНКВД Новосибирской области в период вашей работы в этом отделе.

ОТВЕТ: [...] Начались массовые аресты советских граждан на основании приказов НКВД СССР. В этих приказах, как правило, указывалось, что вскрыта какая-либо шпионско-террористическая группа или контрреволюционная диверсионно-вредительская организация, которая имела с каким-либо иностранным государством преступные связи, а на территории СССР имела свои филиалы, поэтому в приказах предлагалось принять срочные меры к вскрытию и ликвидации этих контрреволюционных организаций. Кроме этого в тех приказах прямо давалась установка: с целью ликвидации антисоветской базы всевозможным контрреволюционным организациям, производить массовые, так называемые линейные аресты.

Суть линейных арестов заключалась в том, что арест советских граждан производился при отсутствии на них каких-либо материалов, подтверждающих их преступную деятельность против советского государства, а арест производился по национальному признаку. Помню, что по этому вопросу, т. е. линейным арестам, из НКВД СССР было 12 приказов, в которых указывалось на производство арестов по национальным признакам, так, например, в приказах требовалось производить аресты: поляков, эстонцев, латышей, литовцев, немцев, харбинцев и других лиц. В связи с этими приказами работа отделений 3 отдела также строилась по линиям, т. е. первое отделение занималось немцами, второе отделение занималось японцами и китайцами, третье отделение занималось поляками, четвертое - латыши, эстонцы, литовцы, пятое отделение - белые офицеры и кулаки, шестое - промышленностью, седьмое - легкой промышленностью, восьмое отделение занималось сельским хозяйством и девятое - информационное [...]

Первоначально линейные аресты производились на основании имеющихся учетных данных в УНКВД Новосибирской области, где раньше учитывались все перебежчики, политэмигранты, бывшие офицеры белой и царской армии, другие категории лиц, но когда эти учетные данные были исчерпаны, то аресты стали производиться по национальному признаку, в результате чего к уголовной ответственности могли быть привлечены ни в чем неповинные лица.

Первое время арест производился на основании учетных данных, а затем арест пошел без наличия каких-либо данных о принадлежности этих лиц к какой-либо контрреволюционной организации и их практической деятельности. Расследование дел в отношении арестованных производилось упрощенным способом, все следствие в основном сводилось к получению у арестованного его признательных показаний о принадлежности к какой-либо контрреволюционной организации или группе. Причем эти признательные показания, как правило, получались в результате применения к арестованным мер физического воздействия, а в

то время к арестованным, которые не хотели дать признательные показания в своей принадлежности к контрреволюционной организации и своей антисоветской практической деятельности, широко применялись выстойки и конвейер. Арестованные, поставленные на выстойку, стояли на ногах без отдыха по суткам, стояли до тех пор, пока не согласятся дать признательные показания. До осени 1937 г., т. е. до приезда в гор. Новосибирск бывшего заместителя наркома внутренних дел Бельского, случаев избияния арестованных при допросах не было, но когда прибыл Бельский, то он собрал совещание оперативного состава, где обратился со словами: "Арестованных бьете?". И сам же ответил: "Бейте, мы бьем" [...]

В связи с тем, что в то время аресты были массовые, а сроки следствия были крайне сжатые, поэтому протоколы допросов обвиняемых составляли небольшими по размерам и писались они в общих словах, без конкретизации и уточнения отдельных эпизодов и фактов, отдельных преступных действий. Следует так же заявить, что была практика корректировки отдельных протоколов допроса обвиняемых и, как правило, после корректировки эти протоколы переписывались на чистовик оперативным работником. Причем корректировка этих протоколов имела цель: более ярче дать о принадлежности обвиняемого к какой-либо контрреволюционной организации и его антисоветской практической деятельности [...]

За период моей работы в 3 отделе УНКВД Новосибирской области были вскрыты некоторые контрреволюционные организации, как например "ПОВ" - "Польская организация войсковая", руководимая ксендзом Жуковским, "РОВС" - "Российский общевоинский союз", руководимая бывшим генералом колчаковской армии Михайловым, однако эти контрреволюционные организации по своему количеству были незначительны. Когда в 1937—1938 гг. стали проводиться массовые линейные аресты, то из арестованных лиц искусственно стали создавать всевозможные контрреволюционные группы и присоединять эти группы к указанным контрреволюционным организациям, в результате привлекались к ответственности ни в чем неповинные лица и в то же время "РОВС", "ПОВ" были доведены до крайне больших размеров по своему количеству, что не соответствовало и не соответствует действительности [...]

Пом. военного прокурора ЗапСибВО
подполковник юстиции Чурляев
Верно: Подпись

Архив УФСБ по Томской области. Д. П-2980. Л.271-275. Заверенная копия. Машинопись.